

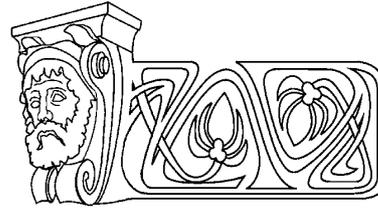

УДК 001:1

СТАТУС НАУЧНОЙ ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

И.Н. Федулов

Волгоградский государственный университет
E-mail: infedoulov@mail.ru

Статья посвящена исследованию статуса теоретического знания в гуманитарных науках. Подчеркивается, что развиваемый рядом философов, в частности Г.Х. фон Вригтом, принцип «теоретического анархизма» входит в резкое противоречие с самим фактом существования объективных закономерностей, выделяемых и исследуемых гуманитарными науками. Указывается также на различия в сущности «закона» в естественных и гуманитарных науках, анализируются альтернативные пути получения новых знаний в социально-гуманитарной сфере. Основной вывод работы: в социально-гуманитарных науках теоретическое обобщение остается единственным средством получения объективного знания.

Ключевые слова: гуманитарные науки, естественные науки, теоретическое знание, теоретический анархизм.

Status of Scientific Theory in Modern Humanitarian Knowledge

I.N. Fedulov

The article is devoted to investigation of the status of theoretical knowledge in the humanities. The author emphasizes that principle of «theoretical anarchism» being developed by many philosophers, in particular by G. von Wright comes into conflict with the fact of existing objective laws, studied by the humanities. The author also points at the differences between the concept of «law» in natural sciences and in the humanities. Alternative ways of getting new knowledge in social and humanitarian spheres are also discussed. The main conclusion of the article: theoretical generalization is the only way of receiving knowledge in social sciences and the humanities.

Key words: humanities, natural sciences, theoretical knowledge, theoretical anarchism.

В современной философии и методологии науки теоретическое знание традиционно считается высшей формой организации научного знания. Поэтому неслучайно, что любое значительное философское направление, соприкасаясь с онтолого-гносеологической проблематикой, рано или поздно формирует свой взгляд на статус научной теории в системе научных знаний. Собственно, интерес к научной теории как таковой был порожден успехами естествознания XVIII–XIX столетий и был сублимирован в работах позитивистов О. Конта и Г. Спенсера, видевших задачу философии в систематизации и теоретическом обобщении специально-научного знания. В этот период выделяются и получают

методологическое оформление две основные функции научной теории: *объяснительная* и *предсказательная*; появление последней обязано практической ориентации науки, провозглашенной философией Нового времени в качестве единственно приемлемой.

Однако если в естествознании методологические функции теории давно устоялись, то в гуманитарных науках дело обстоит совершенно иначе. Как отмечают Т.А. Новолодская и В.Н. Садовников, социально-гуманитарное познание ориентировано преимущественно на качественную сторону изучаемой действительности¹. Внимание акцентируется на единичном и индивидуальном, а не на всеобщем, поэтому «удельный вес» количественных методов здесь намного меньше, чем в естественных и математических науках. Это позволило известному современному логик Г.Х. фон Вригту назвать ситуацию в социальных и гуманитарных науках теоретическим анархизмом². Ученый считает, что в гуманитарных науках не существует общепризнанных парадигм, как в естествознании. Их отсутствие, по его мнению, и означает неизбежность «теоретического анархизма», ибо здесь нет «единственно истинной теории». Множественность конкурирующих между собой концептуально-теоретических схем социальной реальности и возможность свободного выбора любой из них – это норма, а не аномалия в контексте этих дисциплин.

У любого, кто когда-либо сталкивался с методологией естественных наук, словосочетание «единственно истинная теория» вызывает недоумение. В естествознании не существует и не может в принципе существовать истинных теорий в том понимании этого термина, которое отражает неизменность статуса той или иной теоретической конст-

рукции с течением времени³. Любая теория истинна лишь в некоторых границах («границах применимости»), существование которых диктуется ограничениями и упрощениями, заложенными в исходную гипотезу или систему аксиом. С течением времени сумма накопленных знаний заставляет пересматривать исходные посылки теорий, что, в конечном итоге, приводит к смене одних теорий другими, и в этом заключается прогресс науки. Ученые в момент создания теории, как правило, заранее могут указать границы ее применимости, и как только эксперимент «перешагивает» их, возникает необходимость в более совершенной теории. Так или иначе в естествознании исключительно редки случаи, когда исследователи не могут отдать предпочтение какой-либо одной теории; такая ситуация может возникнуть, например, если отсутствует возможность экспериментальной проверки. Ученое сообщество, занимаясь той или иной проблемой, всегда ориентируется на те или иные теоретические построения, будучи внутренне готовым «принести их в жертву» более совершенным⁵.

Исходя из принципа «теоретического анархизма» Г.Х. фон Вригта, следует признать, что не существует способа открыть и описать «скрытые пружины» социальных процессов, ибо в гуманитаристике все теории равноправны и среди них не существует единственной, способной дать наиболее глубокое и близкое к реальности понимание предмета. Следует признать также, что логическим завершением этого принципа является отрицание самой реальности как фактора, влияющего на процессы в обществе. Здесь «правит бал» Сознание Индивида, по определению неисчерпаемое и непознаваемое. И если невозможно в принципе указать наилучшую из существующих теорий, то, следовательно, невозможно познание природы и закономерностей социальных процессов и явлений и на этом основании можно отрицать наличие каких-либо универсальных общественных законов.

Зададимся вопросом: существуют ли пути постижения всеобщего, не используя-

щие или исключаящие теоретическое обобщение? Такие пути известны. Это, прежде всего, религиозно-мистическое откровение и сходное с ним по сути интуитивное озарение ученого, рожденное вдохновением. Однако как то, так и другое не возникают на пустом месте и нуждаются в предпосылках, в качестве которых выступает либо индивидуальный религиозный опыт, либо иные формы априорного созерцания. Первый путь исключает саму возможность научного анализа в силу методологической несовместимости науки и религии, второй же путь оказывается эффективным, только будучи подкрепленным солидным теоретическим фундаментом. Его основа – всесторонний анализ предмета с позиции уже имеющихся знаний. Но принцип «теоретического анархизма» запрещает иметь такой фундамент, ибо идея абсолютного равноправия любых мнений (даже ни на чем не основанных) обесмысливает целенаправленное накопление знаний. Складывается впечатление, что мы имеем дело с зеркальным подобием ситуации, сложившейся в античной натурфилософии, где каждый крупный философ развивал собственную «картину мира», зачастую никак не соотносящуюся со взглядами других и даже им противоречащую. Попытки открыть общие законы природы (в то время их существование и не думали отрицать!) путем индивидуального априорного созерцания и последовательного отстаивания принципа невмешательства в естественное течение событий не привели к желаемому результату и, по сути, завели в тупик античную науку, так и не дав ей эффективной методологии⁵. Вспомним, что наука Нового времени выбрала иной путь и добилась выдающихся успехов, используя два главных метода: эксперимент и теоретическое обобщение.

Таким образом, нам представляется, что принцип «теоретического анархизма» не имеет серьезных методологических оснований, ибо не в состоянии предложить альтернативных методов познания социума, равных по эффективности теоретическому обобщению, поэтому неудивительно, что далеко не все философы разделяют взгляды Г.Х. фон Вригта.

Известный философ, представитель Франкфуртской школы Т. Адорно исходит из того, что сложность общества как предмета социальных наук требует таких же сложных, а значит и самых разнообразных методов их анализа. Он не отрицает и возможности использования в этих дисциплинах формальных методов. По его мнению, расхождение между обществом как предметом и традиционными (абстрактно-формальными) методами вызвано неверным пониманием того и другого. Ученый пишет: «Общество не единогласно, не просто, а также не нейтрально к любым, налагаемым на него категориальным формам, оно заранее ждёт иного от своих объектов, нежели категориальная система дискурсивной логики»⁶. Уникальность социально-исторических и культурных явлений, безусловно, не отменяет необходимости выявления в этой сфере общего, закономерного. Дело в том, что всякое единичное есть так или иначе общее, содержит его в себе как момент. А всякое уникальное включает в себя момент универсального. Более того, в чистом виде само по себе уникальное не существует, а всегда – в определенной системе взаимодействия с особенным и общим.

Таким образом, место для теории как инструмента выделения и анализа всеобщего в сфере социально-гуманитарного знания все же существует. В обществе, как и в природе, существуют объективные законы. Их выявление и использование – важнейшая задача научного познания. Однако эти «неточные законы», законы-тенденции довольно сложно извлечь из их предмета ввиду его исключительной сложности. Отсюда – трудность обобщения, генерализации в этой сфере, поэтому методологический статус теории в гуманитарном знании существенным образом отличается от такового в естествознании. Здесь теория уже не является квинтэссенцией знания, а представляет собой всего лишь один из способов постижения действительности. Возникает вопрос: не преждевременно ли задвигать теорию на «задворки» гуманитарной методологии? Чтобы ответить на него, рассмотрим альтернативные пути анализа объекта гуманитарных наук.

В.В. Ильин, рассматривая вопрос о возможности существования гуманитарных законов наряду с обществоведческими, формулируемыми в экономике, истории, социологии, политологии и т.п., пишет: «Описание мира человеческой субъективности со стороны сущности достигается путем апелляции к двум типам законов: обществоведческим, отвечающим общесоциологическому критерию повторяемости, – законам культурно-исторического процесса, и экзистенциальным, данным в научно-психологическом анализе личностных характеристик в строгом соответствии с реалиями эпохи»⁷. Эти законы автор называет «общими правилами творения себя и друг друга». Взятый единственно индивид как таковой – всегда загадка, проблема. Вмещать человека в узкий горизонт рационального – большая натяжка. Однако причастность к общечеловеческому делает его внутренний мир понимаемым. По мнению Ильина и других авторов, языковой фонд гуманитарного знания состоит из двух слоёв. Первый – коллективный фонд естествознания – предназначен для объяснения. Второй, включающий терминологический арсенал теории культуры, антропологии, психологии и т.д., предназначен для герменевтики.

Итак, знание и понимание... Одно представляет собой результат научной деятельности, другое же деятельности герменевтической. Насколько сильно первое отличается от второго? Прежде всего заметим, что объект социально-гуманитарных наук опосредован в различного рода текстах. Текст аккумулирует в себе как объективную информацию, составляющую предметное поле науки, так и субъективную (эмоции, переживания), которая из него «выпадает», но именно субъективное содержание текста зачастую определяет его понимание. Данный аспект является для герменевтики отправной точкой.

Текст должен быть понят в его притязании на истинность: его нельзя рассматривать лишь как продукт чьей-то субъективности или как историческое явление. Интерпретатор должен направить свои усилия не на эмпатическое проникновение в авторскую

субъективность, а на уразумение того «предмета» или «сути дела», о которых говорит текст, с серьезностью отнестись к несомному им сообщению. И вот здесь возникает серьезная проблема, ставящая под сомнение саму возможность притязаний текста на истинность, без решения которой двигаться далее в данном направлении, по нашему мнению, невозможно. Субъективный опыт автора уникален и, следовательно, не может быть обобщен. Наука же, как известно, единичным принципиально не занимается. Следовательно, всячески акцентируя внимание на субъективном, герменевтика продуцирует знание, которое не является научным и не может быть включено в систему научных знаний. Также остается открытым вопрос о корректности интерпретации текста, впервые поднятый только П. Рикёром. Без *однозначного* решения этого вопроса знание, которое получает герменевтика, не может рассматриваться на равных с научным знанием, как не удовлетворяющее принципу фальсификации, т.е. хотя бы в принципе опровергаемым, чтобы отыскав ситуации, когда знание «не работает», найти его границы применимости.

Необходимо заметить, что те гуманитарные науки, которые имеют возможность обратиться к своему объекту непосредственно, минуя текст, никогда этой возможностью не пренебрегают. В этом отношении социология, экономика, психология, активно использующие эксперимент и наблюдение, вплотную смыкаются с естествознанием. В отношении же объяснения и, в особенности, предсказания явлений в этих областях на сегодняшний день прогресс невелик. Масса конкурирующих теорий с более чем скромными объяснительными и предсказательными возможностями, тяготение к эксперименту в сочетании со смутными представлениями о том, чего именно от него хотят добиться, наводит на мысли о том, что современные социальные науки находятся на том этапе развития, который естествознание прошло еще 300 лет назад. Учитывая постоянно возрастающий темп прироста научной инфор-

мации, развивающиеся средства коммуникации, возможности заимствования готовых методов из арсенала естественных наук, следует ожидать появления теорий в социально-гуманитарной сфере, сопоставимых по объяснительной и предсказательной силе с естественнонаучными уже через 50–60 лет. Главное препятствие на этом пути – сопротивление общества переменам, которые неизбежно влечет за собою осознание собственных законов существования.

Подводя итог, необходимо отметить, что в социально-гуманитарных науках теоретическое обобщение остается единственным средством получения *объективного знания*. Альтернативы наподобие теоретического плюрализма (или даже анархизма), герменевтики либо несут в себе зерна противоречия, либо не удовлетворяют критериям научности.

Примечания

¹ Новолодская Т.А., Садовников В.Н. Философские проблемы социально-гуманитарного знания : учеб. пособие. СПб., 2008. С.4.

² Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: избранные труды. М., 1986.

³ Порой дело доходит до курьезов: Н. Смит, например, утверждает, что вообще всякая истинная в момент ее создания теория через 200 лет становится ложной (см.: Современная философия науки. М., 1996. С.261).

⁴ Федулов И.Н. Научная теория в круге проблем философии и методологии науки // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. Социально-экономические науки и искусство. 2008. № 3(27). С.38–43.

⁵ Достаточно вспомнить гносеологию Аристотеля, в основу которой было положено обобщение повседневного опыта и вывод из него следствий логическими средствами (силлогизмами или индукцией). В этом отношении показательны логические сочинения Аристотеля («*Organon*»), а также «Физика», в которых много говорится о чувственном познании (наблюдении) как основе для логических рассуждений, дающих, в конце концов, новые знания о Природе, но нигде не говорится о наблюдении как средстве проверки рассуждений, т.е. об эксперименте в современном понимании (см.: *Аристотель. Физика* / пер. с греч. и примеч. В.П. Карпова. 3-е изд., испр. М., 2007. С. 7, 213).

⁶ Адорно Т. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С.6.

⁷ Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. С.82.